

*Моему сыну Родиону
в день восемнадцатилетия*

Не ищи в жизни подвигов,
они тебя сами найдут.

Ступенька стремительно приближалась к моей физиономии. Я слабо охнула и выставила руки перед собой (это единственное, что я могла сделать в данной ситуации), локти вывернулись в разные стороны, глаза сошлись у переносицы, а нос коснулся ступеньки лестницы, но без особого для меня ущерба. Я невнятно произнесла что-то в высшей степени неприличное и попробовала приподняться, уцепившись рукой за перила.

Подъем я осуществляла поэтапно и для начала села, вцепившись все в те же перила. Закрыв один глаз и прищулив другой, я смогла различить стену напротив с надписью на ней «Оля дура», а чуть ниже «Витя козел» и с тоской вздохнула: выходит, я еще в районе первого этажа. До квартиры оставалось два пролета. В моем теперешнем состоянии путь практически непреодолимый, однако ночевать на лестнице я тоже не могу. Надо собраться с силами и подняться.

Слабо постанывая и держась за перила, я поднялась, но тут же поняла, что это была плохая идея. Мое туловище независимо от меня начало вращаться, я выдала еще что-то неприличное и поспешно приземлилась на четвереньки. Туло-

вищу сразу стало легче, и голове тоже. Выбирать не приходилось, и я начала подъем, медленно переставляя руки и ноги и приговаривая:

— Ничего, глаза страшатся, руки делают... дойдем, должны дойти... — Таким образом я достигла лестничной клетки и ненадолго прилегла. Мысли начали путаться, клонило в сон, я сказала себе: — Позади Москва, отступить некуда. — Так обычно приговаривал папуля, открывая третью бутылку. Я подумала, что папуля прав: пьянство — это вам не фунт изюма, пьянство — это судьба, если хотите — крест, и его надо как-то нести, то есть доволочь хотя бы до своей квартиры.

Я вновь начала подъем, счастливо улыбаясь, потому что отсюда уже была видна дверь моей квартиры. Но тут над головой что-то хлопнуло, а буквально через секунду в нос мне уперлось что-то влажное и теплое. Я скосила глаза и увидела перед собой лохматую морду, слабо охнула, кто-то жалобно заскулил над самым моим ухом, и я сообразила, что передо мной соседский пес Келли. Я очень смутилась, потому что где Келли, там и его хозяин, Сашка Осипов, а являться его очам в том виде, в котором я пребывала в настоящий момент, мне очень не хотелось.

Слезы навернулись на глаза, когда я услышала Сашкин голос:

— Василиса, ты чего здесь? Потеряла что-нибудь?

— Ага, — жалобно кивнула я и мысленно прошипела: «Немедленно, слышишь, немедленно поднимись с четверенек...» Но не тут-то бы-

ло, я это поняла сразу, а Сашка чуть позднее. Он наклонился ко мне, присвистнул и заявил:

— Ничего себе... Ты где ж так нализалась?

— Юбилей, — пробормотала я, — двадцать пять лет...

— Тебе? — удивился он.

— Не-а, — отчаянно замотала я головой, потому что считала себя значительно моложе. — Подруге...

— Вот оно что... Чего ж не проводил никто?

— Проводил, — с третьей попытки произнесла я. — Он у подъезда лежит. Не наступи, когда будешь выходить.

— Понятно, — хихикнул Сашка и поднял меня, подхватив под локти. Я благодарно прильнула к его плечу и ненадолго затихла. — Давай потихоньку, подняла ножку, опустила... хорошо получается, — приговаривал Сашка, направляясь со мной к двери квартиры. Теперь на моих глазах выступили слезы благодарности.

Сашка мне нравился уже семь месяцев, до этого я обращала мало внимания на соседа, а тут как-то у него Келли заболел, и Сашка обратился ко мне, потому что я ветеринар. Я заглядывала к ним по вечерам сделать Келли укол, ну и с Сашкой чаю выпить, а потом он пригласил меня в ресторан, потому что деньги за лечение пса я брать отказывалась: мы ведь соседи, и к Келли я испытывала самые нежные чувства.

Вернувшись из ресторана, мы обнаружили возле Сашкиной двери рыжую девицу с очень злющим лицом. И хоть потом Сашка говорил, что рыжая — пройденный этап, к тому же не лю-

бит собак, но я не поверила и по вечерам к нему больше не заглядывала. Когда же сосед навелся ко мне, торопилась избавиться от него под любым благовидным предлогом, потому что неоднократно видела, как рыжая выходит из нашего подъезда. Я считала Сашку вруном и бабником, хотя он мне от этого меньше нравиться не перестал, но я сама себе рекомендовала держаться от него подальше. И держалась. И вдруг такая незадача: надо было нарваться на него, когда я в таком состоянии. И добро бы я этим делом злоупотребляла, ни-ни, я вообще пью редко и, как правило, только пиво, а сегодня я так отчаянно напилась исключительно из-за галлюцинаций. Галлюцинации начались где-то в середине вечера и потом уже не кончались, то есть не они не кончались, а мое скверное самочувствие и беспокойство.

Но лучше я все расскажу по порядку, чтоб было понятно. В общем, так. У моей подруги Людки Самохиной был день рождения. Само собой, она решила его отметить, ну и назвала гостей с три короба, но не к себе в квартиру, а в студию. Студия ее располагалась на первом этаже старинного дома в самом центре города, здесь когда-то жила Людкина бабушка. Бабушка умерла, квартира досталась моей подруге, она полома-ла все перегородки и устроила студию, потому что считала себя художником. Говорю «считала», оттого что живописью ее подвиг заняться мой папуля. Людка с самым серьезным видом по сию пору зовет его «учителем» и дважды в месяц вместе с ним медитирует, уходя в астрал, и подолгу

оттуда не возвращается, чем очень меня тревожит. Один придурок вот так однажды ушел, а назад не вернулся, где-то там заплутавшись. У папули были неприятности, не то чтобы серьезные, но все равно были. Позднее, правда, выяснилось, что дядька умер вовсе не от медитации, а от алкогольного отравления (попросту говоря, водка была «паленой»), но меня медитация с тех пор начала беспокоить. Я несколько раз намекала Людке, что она ей, по большому счету, ни к чему, раз пишет Людка исключительно цветы в горшках. Ей стоит быть ближе к природе, выезжать на пленэр и все такое, а не сидеть истуканом на коврике, закатив глаза. Людка меня не слушала и продолжала сидеть истуканом.

Раз в неделю я сопровождала ее в художественный салон, куда она сдавала свои полотна. Перед самым днем рождения мы заглядывали в салон раз пять, Людка работала как лошадь, только успевай картины в рамы вставлять, а раскупились они весьма неплохо. Во-первых, цветочки всегда выходили нарядными, во-вторых, рамки были красивыми, а в-третьих, просила за них Людка копейки, а широкой общественности нравятся незабудки на подоконнике. В общем, к моменту торжества на руках у Людки оказалась приличная сумма, и она решила разгуляться.

Народу в студию набился целый табун, что и неудивительно, художники — они ведь чокнутые, мне это доподлинно известно, раз у меня папуля художник. Пива было много, а водки и того больше, а из закуски только вобла; все очень быстро перезнакомились, и началось настоящее

веселье. Людка сунула мне стакан в руку, до середины наполненный водкой, и сурово сказала:

— До дна. За мое здоровье.

Меня перекосило от одной мысли, что все это придется выпить, но Людка смотрела на меня укоризненно и даже напомнила, как прошлым летом держала кота, когда я ему вытаскивала занозу. В общем, пришлось выпить. Людка торопливо протянула мне бутылку пива, шепнув:

— Запей.

Я запила, и после этого у меня начались видения. Я совершенно отчетливо увидела на диване возле окна папулю и, как примерная дочь, подошла поздороваться с ним.

— Привет, папа, — сказала я. Он не отозвался. Родитель мог в тот момент медитировать, ну, я и подошла к Людке, говорю: — Ты, оказывается, папулю пригласила?

А она мне:

— Приглашала, но учитель не пришел.

— Как не пришел, когда он на диване сидит?

— Где? — спрашивает Людка. Я тычу пальцем в диван, то есть в папулю, а подруга качает головой: — Там никого нет.

— Как это «никого»? — заволновалась я.

— А так, — ответила подруга и потопала к подоконнику, где стояла водка. Малость разволновавшись, я подхватила под руку какого-то парня и спросила, сидит кто-нибудь на диване или нет.

— Нет, — ответил он и был совершенно прав, потому что к тому моменту там действительно никто не сидел.

Я стала высматривать папу в толпе и волноваться все больше. За этим занятием меня застал Севка Матвеев, тоже художник. Выслушав мои сомнения, он загнул что-то насчет астральных тел, сунул мне стакан в руки и сказал:

— Выпей, полегчает.

Я повертела стакан в руке и выпила, но легче не стало. Папуля начал являться мне в толпе и тут же исчезать. То есть он плавно кружил по студии, но я за ним не попевала, а когда спрашивала о нем знакомых, мне дружно отвечали, что папули здесь нет. Я беспокоилась все больше и больше, а лекарство от беспокойства мне предлагали только одно. Где-то через пару часов, обнаруживая папу в толпе, я весело хихикала и подмигивала ему, а он скользил как тень, не реагируя на присутствующих, пока окончательно не исчез часам к десяти.

Я присела на подоконник и малость вздремнула, а открыв глаза, увидела возле подъезда милицейскую машину и забеспокоилась, хотя до одиннадцати времени было достаточно, а соседи Людки к шумным сборищам привыкли. Не успела я как следует осмыслить происходящее, как обнаружила рядом с собой парня лет двадцати восьми, очень приятной внешности. Пьян он был в меру, а улыбался так зазывно, что я с ходу поверила, когда он сказал:

— Я влюбился с первого взгляда.

И только уточнила:

— В кого?

— В тебя, естественно. Весь вечер глаз не свожу.

«Очень может быть», — подумала я. Занятая поисками в толпе папулиного астрального тела, я многое что могла пропустить.

— Потанцуем? — предложил он, и я кивнула. Парня звали Володя, он пришел с другом, а друг куда-то исчез. Лично меня это не удивило, раз папуля тоже исчез, точнее, и не появлялся даже, если верить Людке.

— Надо выпить за именинницу! — заорал кто-то, и я выпила, уже не сопротивляясь.

Потом мы только и делали, что пили за именинницу, перемежая это занятие танцами. С каждым разом водка вызывала у меня все меньше отвращения, а под конец я просто брала стакан из чьих-то рук и пила ее как воду. Правда, длилось это недолго. Очень скоро я оказалась на полу возле углового окна, рядом дремал Володя, пристроив голову на моем плече, и я подумала, что вечеринка удалась и пора отсюда сматываться. Но решить было гораздо легче, чем сделать. Я слабо шевельнулась и попыталась встать. Совершенно неожиданно мне на помощь пришел Володя, оказалось, он не только может встать сам, он еще умудрился поднять меня, и мы побрели к выходу, держась друг за друга. Тут подскочила Людка и проблеяла:

— На посошок...

И я, конечно, выпила, потому что поняла: сто грамм уже практически ничего не решат, а мой спутник, взяв стакан из Людкиных рук, принялся икать и икал так долго, что Людке надоело ждать и она ушла. Володя сунул стакан бредущему мимо нас парню с копной волос и серьгой в

ухе, величиной с куриное яйцо, мы наконец покинули студию и вскоре оказались на улице.

Тут выяснилось, что на вечеринку Володя прибыл на машине, она стояла в переулке. Я оказалась перед нелегким выбором: либо рискнуть и отправиться домой с подвыпившим водителем (Володя казался мне именно подвыпившим, потому что крепко держал меня за локоть и практически не раскачивался), либо идти пешком, потому что ни один таксист в здравом уме меня не повезет. Второй вариант казался мне гораздо опаснее первого, ведь ясно было, что до дома мне не дойти, это ж четыре троллейбусные остановки, а у меня хватит сил только-только добраться до угла.

Чем больше я смотрела на Володю, тем трезвее он мне казался; в общем, я согласно кивнула, и мы пошли к машине. Вскоре я смогла повалиться на заднее сиденье, благодарно икнула и затихла, а в себя пришла только возле своего дома, и то после того, как Володя потряс меня за плечо и прокричал на ухо:

— Василиса, это твой дом?

Пятнадцать минут мы потратили на выяснение данного обстоятельства. То мне казалось, что дом точно мой, то вдруг появлялись сомнения. Володя предложил спросить у кого-нибудь, вышел из машины, вынул меня, и мы направились к подъезду. Тут случилось непредвиденное. То есть я-то как раз могла бы это предвидеть, если б была в здравом рассудке, но здравым он не был, оттого про ступеньку я забыла, а Володя о ней, само собой, вовсе не знал. Он споткнулся,

пролетел немного по касательной и грохнулся в трех шагах от подъезда, тюкнувшись головой о ту самую ступеньку, но с другой стороны, и жалобно застонал.

Я нашла его на ощупь и заплакала, а он попросил:

— Помоги встать.

Я очень хотела помочь ему, но не могла. Тогда он попросил воды. Я пообещала достать и с этой целью вошла в подъезд, с намерением быстро подняться в квартиру и взять минералки. А еще лучше — прихватить Юрасика, ежели тот еще не успел набраться до такой степени, что уже не может ходить, вместе с ним вернуться за Володей и оказать ему необходимую помощь.

Планы у меня были наполеоновские, но на пути их осуществления встала лестница, то есть она не вставала, она здесь была всегда, раз живу я на втором этаже. На преодоление нескольких ступенек я потратила столько сил, что начала забывать, куда и зачем я так тороплюсь, а потом встретила Сашку. Мое желание выглядеть трезвее, чем я была, сыграло злую шутку, на симуляцию вертикального положения при ходьбе ушли последние силы, облик Володи, отчаянно нуждавшегося в помощи, отступил, затем начал стремительно удаляться все дальше и дальше, пока окончательно не исчез из моего сознания.

Между тем мы с Сашкой под жалобное поскуливание Келли (пес сочувствовал мне изо всех сил) достигли моей двери, и Сашка спросил:

— Ключи есть?

— Нет, — коротко ответила я.

— Как нет? А где они?

Я невнятно что-то промычала. Сашка собрался нажать кнопку звонка, но тут я толкнула плечом дверь, и она распахнулась. Я с облегчением вздохнула, потому что Варвара не любит, когда ее будят по ночам, а то, что сейчас ночь, было совершенно ясно, хотя я и затруднялась ответить почему.

В общем, я влетела в квартиру, Сашка вошел вслед за мной. Келли залаял, так как я нечаянно наступила ему на лапу, Варвара проснулась и зычно крикнула:

— Да когда вы прекратите безобразничать?

Мы в ужасе замерли и к моей комнате уже пробирались на цыпочках. Келли вообще выскочил из квартиры и ждал на пороге, потому что здорово боялся Варвару.

Ключ от моей комнаты лежал под ковриком, Сашка, прислонив меня к стене, достал его, открыл дверь и поволок мое бесчувственное тело к софе. Увидев ее, я в последнем проблеске сознания радостно хихикнула, потому что поняла: я достигла тихой пристани, теперь на окружающее можно не реагировать. Сашка стал раздевать меня, приговаривая:

— Ох, как плохо тебе будет завтра...

А я ответила:

— Мне и сегодня плохо... — Окончательно отключилась и должна была бы беспробудно спать до утра, но выпитое пиво этого не позволило. Пришлось просыпаться. Я в отчаянии застонала, нащупала рукой колокольчик, дернула за него, и над моей головой включилось бра, а я

застонала еще громче. На эти действия ушли все мои силы, а еще ведь предстояло подняться и как-то дойти до туалета.

Сказав себе: «Есть такое слово — «надо», я поднялась, подхватила халат жестом фокусника и, натыкаясь на все, что встретилось на пути, перебежками отправилась к туалету. Выключатель куда-то запропастился. По крайней мере нащупать его я так и не смогла, влетела в туалет, хлопнулась на унитаза и тут увидела, что прямо напротив в кухне за моим столом сидит какой-то мужик и тарашит на меня глаза.

— Пардон, — пробормотала я и поспешно закрыла дверь, оказавшись в крошечной тьме. То, что на кухне сидит незнакомец, в принципе меня не удивило. Кроме бабки-соседки, которую я прозвала за дурной нрав Злой Варваркой, в квартире жил еще одинокий пьяница Юрик. От роду Юрику было лет тридцать, хотя на вид все пятьдесят, пил он горькую с малолетства, причем так отчаянно, что соседи предрекали ему близкую кончину еще лет пять назад, но Юрику на это было наплевать. Он пил все больше и, с моей точки зрения, здоровел на глазах. Когда я сюда только-только вселилась, он выпивал бутылку водки и скатывался под стол вместе с ней, а теперь мог запросто усидеть две, а то и три, если, конечно, находились дураки ему поднести эти бутылки. Юрик принципиально нигде не работал, собирал макулатуру, летом ездил за ягодами, осенью за грибами и картошкой, а к Новому году за елками и таким образом существовал вполне сносно. К тому же он имел золотые руки

и в нашем доме, жильцы которого были почти сплошь либо одинокими старушенциями, либо разведенными молодухами, пользовался бессрочным кредитом.

Гостей Юрик очень любил, оттого почти каждый вечер в нашей кухне кто-нибудь засиживался до тех самых пор, пока Злая Варварка не появлялась там и, уперев руки в боки, не вопрошала гневно:

— Когда же кончится это безобразие? — После чего гости поспешно удалялись. Надо сказать, Варвару боялись не только соседи, но и наш участковый. Так что удивило меня не то, что мужик сидит себе за моим столом (Юрик часто путал столы, а мой действительно расположен удобнее, опять же вид из окна), а то, что мужик сидит один, без моего соседа.

Немного поразмышляв над этим, я пришла к выводу, что Юрик отправился за бутылкой, а гость терпеливо ждет его, и застыдилась, что человек застал меня не в лучший момент моей жизни. Я подумала: может, стоит задержаться в туалете подольше, чтоб он обо мне забыл, но испугалась, не сделать бы хуже — вдруг я, к примеру, усну, а гостю понадобится в туалет. В общем, стыдясь и краснея, я выскользнула из туалета, покосилась в сторону гостя и, буркнув «здрасьте», шмыгнула к своей двери. Мой взгляд успел зафиксировать бутылку водки, стоявшую на столе. Это меня слегка удивило: раз водка здесь, то где ж тогда Юрик? Тут он и появился из своей комнаты в трусах и майке, надетой задом наперед.

— Ты что, забыл про гостя? — спросила я и,

не дожидаясь, что ответит сосед, прошла в комнату, рухнула на софу и блаженно вздохнула.

Но проклятое пиво вскоре вновь дало знать о себе, и я опять побрела в туалет. Едва покинув комнату, я услышала голос Юрика:

— Ну, вот, значит, я ей говорю, Надька, говорю я ей, ты ж дура, прости господи, и куда ты все лезешь... — Куда лезла Надька, я так и не узнала, потому что достигла туалета, а Юрик, сидя за столом напротив своего гостя, обернулся, увидел меня и радостно закричал: — Это Василиса, соседка моя... Васена, иди посиди с нами...

— Отвянь, — ответила я, прикрыв дверь, но, возвращаясь к себе, отметила, что на столе, кроме двух стопок, появились хлеб, огурцы и грибы в банке. Ни у меня, ни у Юрика солений не водилось, значит, позаимствовал он все это в холодильнике у Варвары. Завтра бабка будет гневаться, грозить милицией, а меня позовет в свидетели того, что так дальше жить нельзя.

Я покачала головой, думая об утре, которое неминуемо наступит, и твердо решила не просыпаться как можно дольше. Но мечтам моим не суждено было сбыться. Только мне стало сниться что-то приятное и далекое от моей коммуналки, как вдруг меня встряхнули за плечи, а потом над моей головой зажегся свет и Юркин голос отчаянно забормотал:

— Васька, да просыпайся ты... Бабка ругается, давай убирай своего гостя.

— Какого гостя? — испугалась я.

— Почему я знаю? Я уж и так, и эдак, а он молчит и, главное, ничего не пьет. Что с таким

делать, скажи на милость? Я по-честному ему оставил. Не скажу, что половину, нет, врать не буду, ты ж знаешь, я человек правдивый, я всегда как есть... но и не на доньшке... оставил, в общем... А он сидит... и молчит, и не пьет. Скажи, как такое вынести? А тут еще Варвара со своими грибами пристала, дались ей грибы. Грибов я, что ли, никогда не видел. Да я этих грибов, если хочешь знать, каждый год по полтонны на рынок таскаю, а она удивила — грибы... Вот до чего бабка у нас вредная...

— Юрик, тебе чего надо? — промычала я.

— Как чего? Говорю, бабка наша разгневалась за грибы эти, грозилась милицию вызвать. Я вот и подумал: а ну как вправду вызовет? В общем, убирай своего гостя.

— Какого гостя? — ошалела я.

— Ну, мужика, что с тобой пришел.

— Да никто со мной не... — начала я, и тут из глубины моей памяти выплыл облик Володи, и я даже вспомнила, что собиралась с помощью Юрика занести его в квартиру. Может, и занесла, только этот момент из памяти стерся. — А где он? — спросила я, с трудом принимая вертикальное положение.

— На кухне ждет, — с готовностью ответил Юрик. Я пошарила рукой по постели в поисках халата, с тоской обвела глазами комнату, уже поняв, что подниматься все-таки придется, а вот как сделать это половчее, я не представляла.

— Как же плохо-то, — пробормотала я.

— Кому? — удивился Юрик.

— Мне, — вздохнула я.

— А чего тебе плохо?

— Ничего. Лучше помоги подняться.

Сосредоточиться на Юркиной физиономии мне было крайне затруднительно. Я взирала на него одним глазом, да и то напряженно шурясь. Оттого различала его плохо, потому-то и решила, что он трезвее меня. Я поднялась с постели, оперлась на его руку, и вот тут выяснилось, что Юрик, что называется, на ногах не стоит. Под моей тяжестью он согнулся сначала влево, потом начал заваливаться на спину, а еще через мгновение мы лежали на полу, довольно громко выражая недовольство таким поворотом событий.

Я прикрыла глаза и подумала, что с пола мне уж точно не подняться, и если Володю мы в самом деле занесли в квартиру и он в настоящий момент сидит на кухне, то пусть там и продолжает сидеть, даже если Злая Варварка начнет вопить на весь дом и грозить милицией. Помочь Володе я просто не могу.

Я перевернулась на бок, пытаюсь устроиться поудобнее, и тут увидела Варварку. Не увидеть ее было невозможно, раз она склонилась к самому моему лицу и трясла меня за плечи.

— Васька, — рычала она, — открой глаза, слышишь?

— Открыла, — пробормотала я, симулируя прозрение.

Бабка начала трясти меня с удвоенным рвением.

— Васька, да ты пьяная, что ли?

— Конечно, пьяная, — обиделась я. — Чего б мне тогда на полу валяться?

— А этот, на кухне, правда твой?
— Кто? — спросила я, пытаюсь выиграть время.

— Мужик.

— Не знаю, — не рискнула я соврать. — Может, мой, а может, нет. Я его еще не видела.

— Ее, — пискнул Юрик и попытался подняться. Бабка в сердцах пнула его ногой, и он ненадолго затих.

— У, алкаш проклятый, — зашипела она. — Всю дрянь в дом тащит... Васька, ты одна пришла или с мужиком этим? Давай вспомни, а то милицию вызову, вот, ей-богу, вызову...

— Зачем? — удивилась я.

— Затем. Нечего кому попало на кухне спать. Если с тобой мужик, забирай в свою комнату, а нет, я его в вытрезвитель сдам.

— Зачем? — опять спросила я, не очень вслушиваясь в слова соседки.

— Чтоб не шастали. Иди и посмотри, твой или нет.

— Я бы пошла, да не могу, — вздохнула я.

— Что ты придуриваешься? — рассвирепела Варвара, а я с тяжким вздохом приняла вертикальное положение, то есть села на пол и попробовала смотреть на мир сразу двумя глазами.

Рядом со стоном приподнялся Юрик и сказал обреченно:

— Васена, соберись с силами, мужика спасти надо, ведь эта мымра... — За «мымру» он тут же схлопотал от Варвары подзатыльник и затих, втянув голову в плечи, а я разозлилась и рявкнула:

— Руку дай...

По всему выходило, что спасти мужика мне

придется, и это в моем состоянии. Я даже не была уверена, что мужик этот мой, а не прибил без моего на то желания. Варвара подала руку, и я смогла подняться. Нетвердой походкой я направилась в кухню, Юрик последовал за мной. Руки ему никто не подал, и передвигался он на четвереньках, но очень прытко и не без удовольствия. Однако обоих нас обошла Варвара, и в кухне она появилась первой. Она ткнула пальцем в сидящего за столом мужика и громко рявкнула:

— Твой?

Я подошла поближе, облокотилась на стол и сказала, заглядывая под шляпу:

— Здравствуйте.

Мужчина не ответил, тараша в пространство глаза без всякого толку. И это слегка насторожило — не меня, бабу. Она приблизилась, ткнула его пальцем в плечо и прошептала:

— Да он никак помер...

— С чего бы это ему помереть? — удивился Юрик, сидя на полу в позе лотоса. — Нормально сидит мужик...

— Васька... — пискляво зашептала бабка. Я бы решила, что она испугалась, если б доподлинно не знала: наша бабка никого и ничего не боится, наоборот, это при ее появлении вся округа трепещет, особенно наш участковый. — Ты глянь-ка, Васька, у него и руки холодные. Ты пощупай...

— Больно надо, — насторожилась я и попыталась присмотреться к мужчине получше.

— Глаза-то как тарашит, — не унималась

Варвара, — не иначе подавился. Водкой. Облопался, прости господи... Может, «Скорую»? Васька, да ты слышишь ли?

— Слышу, — кивнула я, потому что в самом деле слышала, а вот видела плохо. То есть картинка была, но до сознания упорно не доходила. — Он живой, — пробормотала я, чтоб бабка наконец перестала визжать. У меня от этого звенело в ушах и голова начинала болеть еще больше.

— Живой, — подтвердил Юрик, — мы с ним выпивали...

— Живой? — не поверила бабка. — Хорошо, если так. Хоть бы моргнул, ирод, ишь, глаза-то выкатил...

— У него этот... столбняк, — подсказал Юрик, который, в отличие от меня, чувствовал себя отлично. Этот факт я могла объяснить только его постоянной тренировкой.

— Столбняк, — взъелась бабка, — чтоб у тебя столбняк был, пьянь ты подзаборная. — Тут она вновь переключилась на меня. — Твой мужик или нет?

На этот вопрос я так просто ответить не могла. С одной стороны, никого в плаще и шляпе я с ходу не могла вспомнить, с другой — физиономия с выпученными глазами казалась знакомой, и я даже подумала, что зовут парня Коля, о чем не преминула сообщить бабке. Но откуда Коля взялся на моей кухне — я не представляла. Во мне даже крепла уверенность, что делать ему здесь нечего, и я опять-таки прямо заявила об этом бабке. Тут я вспомнила о Володе и обвела кухню ищущим взглядом.

— А больше здесь никого нет? — спросила на всякий случай.

— Есть, — обрадовался Юрик.

— Где?

— Здесь... — Он широко улыбнулся, а бабка принялась голосить:

— Вы долго мне нервы трепать будете? Ладно этот поганец, а ты что делаешь? — сурово спросила она, а я погрозила пальцем:

— Тихо. Я вспоминаю.

— Чего ты вспоминаешь?

— Откуда он взялся, разумеется.

— О, господи... — Варвара воздела руки к потолку и коленом двинула Юрику по спине, тот охнул и попросил:

— Васька, вспоминай быстрее...

Однако к этому моменту путеводная нить, то есть мысль, была мною полностью утрачена, и парень в шляпе не вызывал у меня ничего, кроме недоумения.

— Ты мне скажешь или нет? Он с тобой пришел? — не унималась бабка.

— Не знаю, — вздохнула я. — Я пришла с Сашкой.

— С каким Сашкой? — насторожилась она.

— С соседом, естественно.

— А этот?

— Да чего вы ко мне пристали? Я хотела с Володей прийти, а это Коля. С ним я не приходила. Он мне даром не нужен, я даже не помню... — Тут в голову мне неожиданно пришла мысль, что и Володю я помню крайне смутно, то есть, сиди он сейчас передо мной, и вот так, с

налета, я и не скажу, он это или нет. А может, я все путаю, и парень в шляпе никакой не Коля, а самый что ни на есть Володя... — Пусть до утра сидит, — решила я. — Утро вечера мудренее.

И тут наш гость совершенно неожиданно рухнул на пол, причем с таким громким стуком, что мы разом вздрогнули.

— Я его только за плечо дернула, — испугалась бабка, а мы кивнули, таращась на лежащего парня, ожидая, что последует за этим. Но ничего не последовало. Любой другой на его месте непременно бы заорал или хотя бы слабо пискнул, но парень в шляпе, тюкнувшись носом в пол, замер в этой неудобной позе, не издав ни звука и не шевелясь. — Помер, — охнула бабка, а Юрик, напряженно вглядываясь куда-то в угол, мрачно заявил:

— Конечно. Разве можно человека башкой со всего маха...

И тут Варвара нас просто потрясла, хотя я-то всегда считала, что наша бабка на многое способна, однако вынуждена была признать, что такого от нее и я не ожидала. Ухватив парня за ворот плаща, она поволокла его к входной двери, причем развила такую скорость, что мы с Юриком при всем желании догнать ее не могли. Варвара, достигнув двери, распахнула ее, выволокла бесчувственное тело на лестничную клетку и захлопнула дверь, после чего навесила на дверь цепочку, о существовании которой я успела забыть, так как никогда ею не пользовались. Совершив этот подвиг, бабка повернулась к нам и грозно сказала:

— Всем спать. Вот только трупов мне в квартире не хватало.

— И правильно, — согласно кивнул Юрик и тут же шмыгнул в свою комнату, должно быть, опасаясь, что станет следующей жертвой, а я побрела к себе, злясь, что меня не только разбудили, но и озадачили, теперь лежи и думай: парень в шляпе труп или не труп, и кто он такой вообще. Коля, Володя... Что он делал на кухне, а главное, когда подавился, то есть когда лишился чувств, и какое я могу иметь ко всему этому отношение.

Однако я здорово переоценила свои силы. Думать мне в ту ночь вовсе ни о чем не пришлось, не успела моя голова коснуться подушки, как я мгновенно потеряла сознание. Когда я вновь обрела его, в комнате всю жарило солнце. Не помогали даже плотные шторы на окнах, в настоящий момент задернутые (не мною). С ними было даже хуже, духота в комнате стояла страшная, хотя окно и было распахнуто настежь (тоже не мною), и в комнату долетал веселый визг ребятни и грохот трамвая на соседней улице.

— Ох, как мне плохо, — простонала я, переворачиваясь на спину, и в тот же миг увидела Варвару. Она стояла возле кровати с литровой банкой в руках, наполненной какой-то мутной жидкостью.

— На, — сказала бабка, протягивая мне банку.

— Это что? — испугалась я.

— Рассол. Покойный Петр Алексеевич всегда им похмелялся...

Покойный Петр Алексеевич был бабкиным мужем и являлся выдающимся алкоголиком.

О нем ходили легенды, например, как он однажды на спор выпил ведро самогона или как свалился с пожарной каланчи, причем головой вниз, и ничегошеньки себе не повредил. Смерть его тоже была героической: загорелся винный склад, и Петр Алексеевич бросился его тушить, бутылки начали взрываться, граждане покинули опасное место, а Петр Алексеевич остался. Когда пожарные выволокли его, оказалось, что герой не дышит. Впоследствии выяснилось, что он вовсе не задохнулся в дыму, как предполагали многие, а захлебнулся, отчаянно пытаясь спасти государственное добро. Бабка о покойнике говорила с неохотой. Думаю, не без его стараний Варвара стала столь нетерпимой к пьянству вообще и отдельным представителям этого порока в частности. Характер ее закалился в долгой позиционной войне, пока не приобрел вид железобетонной конструкции, способной выдержать удар танковой армии.

Однако сейчас физиономия Варвары имела скорее смущенное выражение. В открытых дверях маялся взлохмаченный Юрик. Видя, как я припала к банке, он с тяжким вздохом заметил:

— Разве рассолом-то похмелишься...

— Исчезни, — рявкнула бабка, и он исчез, но очень быстро появился вновь, теперь уже непосредственно в комнате.

— Пустое это дело, рассолом-то, — зашептал Юрик тихо, но убежденно, стараясь держаться от бабки на расстоянии. Она метнула в его сторону гневный взгляд, но, как-то вдруг сникнув, опустила на мою постель и позвала со слезой:

— Васька...

— У-у, — промычала я, допила рассол и вернула Варваре банку, посидела немного, зажмурившись, и выдохнула: — Хорошо...

— Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, — пробормотала бабка. Вела она себя немного странно, то есть непривычно. Чувствовалась в ней, как и в Юрике, какая-то маета. С чего мается Юрик, было более-менее ясно, а вот с какой радости нашу бабку ломает? Может, она вчера тоже... того? От этой мысли мне сделалось значительно легче, я уже не чувствовала себя бесполезным членом общества, который пал столь низко, что умудрился напиться до бесчувствия. Но все мои сомнения в отношении бабкиной трезвости развеялись как дым, потому что она сказала: — С ума сойдешь с вами, без вина сопьешься.

— Это в каком смысле? — подала я голос. Юрик вдруг возник с другой стороны постели и деловито сообщил:

— Мужик-то — тю-тю, а мы даже не знаем, наш ли, нет ли и куда он делся. А ну как он того? Или вообще...

Тут надо пояснить, что Юрик обычно изъяснялся многословно, но при этом не всегда понятно. Мне и в нормальные-то дни нелегко было общаться с ним, а с перепоя и вообще не по силам. По этой причине я махнула рукой и произнесла по слогам:

— Не мельтеши.

— Ни-ни, — замотал головой Юрик и тоже

пристроился на моей постели, но бабка гневно сверкнула глазами, и он сполз на пол.

— Васька, — кашлянув, начала бабка, глядя на меня с томлением. — Я ведь ночью-то не поняла... Этот дурень заорал блажью: «Степь да степь...» — и ладно бы пел, а то в первом куплете все слова переврал. И чего тогда горло драть, если слов не знаешь? Уж коль не знаешь, сиди молча, а он опять... Ну, я и рассерчала. С вечера Машка Громова нервную систему подняла со своей собакой, твякает и твякает, я таблетку выпила и только-только заснула, а тут этот...

— Я его развеселить хотел, — кашлянул Юрик. — Не пьет, молчит, как такое вытерпеть можно? Вот я и запел. Хотел как лучше...

— Ага, он хотел как лучше, а я в сердцах... может, чего лишнее сказала, так ты того, не сердись...

— Ой, — простонала я, опустив голову на подушку и пытаясь понять, что им от меня надо.

— Плохо тебе? — обрадовался Юрик, приподнимаясь с пола. — Может, пивка? Или водочки? Я махом, одна нога здесь, другая там...

— Не надо водочки, — испугалась я.

— А пиво?

— И пиво не надо.

— Правильно, — кивнула Варвара. — В этом деле рассол лучше всего. Ты полежи, полежи, сейчас полегчает...

— У меня выходной, — пробормотала я. — Можно спать сколько душе угодно.

— Вот-вот, — кивнула Варвара. Выглядела она подозрительно покладистой, и это насторожило

меня, так что и спать расхотелось. — Васька, ты не думай, не со зла я, и гнать его не хотела, ни в жизнь бы я не стала его с кухни гнать, если б знала, что жених. Я ведь добра тебе желаю, может, я когда чего лишнее крикну, так ведь дело житейское, но чтоб навредить... Знать бы такое дело... Я б ни в жизнь... И пусть бы сидел хоть целые сутки...

— Как же, пусть, — проворчал Юрик с пола. — Это ты сейчас «пусть», а чуть что, сразу орать и милицией грозиться...

— Слушайте, вы чего ко мне пристали? — не выдержала я.

— Как же, — развел руками Юрик, — жених-то твой, а кухня общая. А Варвара его, не разобравшись, с кухни, да еще за шиворот. Я утром-то выглянул, его в подъезде нет. А куда ему деться, если он ни рукой, ни ногой? А бабка вообще утверждает, что мертвый...

— Типун тебе на язык, — испугалась Варвара. — Какой мертвый? Живой он был, живой, и одет прилично, а когда я его на лестницу-то выдвинула, он даже крякнул, своими ушами слышала. Живой, — с сомнением протянула Варвара, глядя куда-то выше моего плеча.

— Конечно, живой, — удивилась я. — Просто так люди не умирают, а этот совсем молодой...

— Вот-вот, — кивнул Юрик. — Я и говорю Варваре Васильевне, что мужик был вполне самостоятельный. Ну не пил, ну молчал, однако живого от мертвого я отличу, и если он впоследствии стал мертвым, то уж тут... Не иначе как

Варвара Васильевна его неловко темечком или еще каким местом зашибла...

— Я тебя сейчас неловко зашибу, — рывкнула бабка. Но тут же сникла и со слезой в глазах попросила меня: — Васька, мужик-то твой жив ли? Позвони, хоть знать буду.

— Какой мужик? — в очередной раз потеряв интерес к разговору, спросила я.

— Ну этот, вчерашний...

— Куда ж я звонить буду, если я этого мужика знать не знаю?

— Как не знаешь? Ты сказала, что его зовут Коля.

— Я сказала? — Тут что-то ненадолго мелькнуло в моем сознании, и я согласно кивнула: — Ну, Коля... только я его не знаю. А как он на кухне оказался? — Вопрос поверг обоих моих соседей в недоумение. Они переглянулись и уставились на меня, а я, естественно, на них.

— Так он же с тобой пришел, — подал голос Юрик.

— Нет, я с Сашкой, соседом, пришла, — покачала я головой. — В подъезде встретились, и он мне помог подняться. А этот уже сидел... и бутылка на столе стояла... вроде бы... — Тут я нахмурилась, потому что и утверждать, что в какой последовательности я видела, не могла.

— Как же так? — разволновался Юрик. — Если он не с тобой, то с кем?

Мы с Варварой взглянули на него весьма выразительно, а он начал беспокойно ерзать.

— Я-то думал — жених твой, ведь за твоим столом сидел... и водка... выпьем, познакомимся...

— Вот ты его и того, — ядовито заметила бабка, — а потом с больной головы на здоровую.

— Я «того»? — заорал Юрик. — Да как я его «того», если я сам...

— Вы чего с утра блажите? — зевнула я. — Где мужик?

— Какой?

— Вчерашний?

— Так нет нигде.

— Значит, ушел.

— Как ушел? А вдруг...

— Вот будет «вдруг», тогда и думать будем, — проворчала я, поднялась с постели, трясая головой, и направилась к окну, с намерением раздвинуть шторы. Меня слегка покачивало, но после банки рассола я чувствовала себя намного лучше. Я выглянула на улицу и тут прямо под своими окнами увидела «Жигули» белого цвета, довольно ветхие, но смутно знакомые. Немного попялив на них глаза, я вспомнила, что вчера мой друг Володя доставил меня на точно такой же задрипанной «копейке», и задумалась: а ну как я ночью не одна вернулась, и парень на кухне был все-таки Володя, а не Коля?

— Этот, вчерашний, он во что был одет? — хмуро поинтересовалась я.

— Светлый плащ и шляпа. Шляпа такая... черная, с лентой, — засуетилась бабка. — Я еще подумала: одет прилично, не похож на алкаша...

— Это не он, — вслух подумала я, имея в виду Володю. Во что он был одет, я не вспомнила бы ни за какие коврижки, но точно не в плащ. И шляпы на нем не было... Но машина внизу продол-

жала смущать меня, и после недолгой борьбы с самой собой я отправилась на улицу. Вышла из подъезда и огляделась. В трех шагах от меня стояла машина, причем левая передняя дверь ее была закрыта неплотно, но ни Володи, ни тем более Коли в шляпе там не наблюдалось. Я даже не могла сказать вот так, сразу, хорошо ли это или плохо.

Постояв, поглазев по сторонам и ничего не придумав, я собралась возвращаться в квартиру, и тут взгляд мой вновь задержался на неплотно прикрытой двери. По натуре я человек, тяготеющий к вселенскому порядку, только этим я могу объяснить свой поступок. Я подошла к машине, распахнула дверь, с намерением закрыть ее как следует, и тут увидела ключи, обыкновенные ключи, которые и мешали двери закрыться.

Ключи были на металлическом брелоке, на котором было написано: «Смотри веселей». Губы мои произвольно раздвинулись, выдав что-то вроде улыбки, и я подумала, что ключи от замка зажигания оставлять вот так довольно глупо. Хоть машина и выглядела ровесницей моей бабушки, но и на нее могли найтись охотники. В общем, я заперла все двери, повертела ключи в руках и, не придумав ничего лучшего, сунула их в карман, после чего поднялась в квартиру.

— Он в машине? — вопросом встретила меня бабка.

— Нет, — покачала я головой.

— А машина его?

— Машина Володи, — сочла нужным пояснить я. — Мы вчера познакомились на вечерин-

ке, потом мне стал являться папа, и я с перепугу выпила водки, потому что он только мне являлся. А тут этот Вова. Он решил зайти ко мне в гости, но не смог. И мы потерялись.

— А как же тот, в шляпе? — присев на подоконник, спросил Юрик.

— Никого в шляпе я не помню, — твердо заявила я. — Вы меня не путайте.

— Как же не помнишь, если он здесь с Юркой сидел? — рывкнула бабка, хоть с утра она и силилась быть терпеливой, но было ясно, что надолго ее вряд ли хватит, оттого я ничуть не удивилась грозному рыку.

— Вот у Юрки и спрашивай, — нахмурилась я. — А я никаких шляп не видела и знать ничего не знаю.

— А Колю?

— И Колю не знаю. Отвяжитесь от меня, и без того башка болит.

— Так-то, Варвара Васильевна, — пригорюнился Юрик, — видишь, что получается. Васька ни сном ни духом, а мы вроде того... И если окажется, что мужик и вправду не совсем живой... был, то и выйдет, что его мы... то есть ты...

— Чего болтаешь? — зарычала Варвара. — Какой мужик, что ты воду мутишь? Где ты этого мужика видишь?

— Правильно, — с умным видом покивал Юрик, — этой линии и надо придерживаться.

— Спятели вы, что ли, совсем? — заметила я укоризненно, не в силах понять причину их утренней маеты, и тут зазвонил телефон.

— Милиция, — ахнула Варвара, прижав руку

к сердцу. Юрик вроде бы полез в форточку, но, вспомнив, что у нас второй этаж, замер, а я пошла в прихожую, где на стене висел аппарат образца тридцать второго года, сняла трубку и бодро гаркнула:

— Слушаю...

— Василиса, это ты? — поинтересовался пьяный женский голос, и я со второй попытки узнала Людку. — Ты как... вообще? — спросила она.

— Отлично, — ответила я.

— Почему? — удивилась Людка.

Пришла моя очередь удивляться:

— Что почему?

— Почему отлично?

— Потому что я себя так чувствую.

— Так ты ж вчера пьяная была?

— Ну...

— А сегодня отлично? А еще всегда твердишь, что похмеляться вредно.

— Людка, тебе чего надо? — додумалась спросить я.

— Как чего, узнать хотела, как ты добралась, ну и о самочувствии тоже... А ты говоришь «отлично», это ненормально, и я начинаю думать, что с тобой что-то случилось.

— У нас мужик пропал в шляпе, — сообщила я, чтобы утешить Людку. — Ты никого из наших в шляпе не помнишь?

— Папуля был в шляпе, — тут же ответила подружка.

— Какой? — не сразу поняла я.

— Наш, то есть твой, конечно.

— А где он был? — теряясь в догадках, спросила я.

— На вечеринке, естественно.

— Вчера?

— Василиса, ты что, головой ударилась? Ты прямо чудо в пушистых перьях. Конечно, вчера. Каждый день вас поить у меня денег нет.

— Так папуля был вчера на дне рождения? — стараясь как можно яснее формулировать вопрос, спросила я.

— Конечно. Ты ж его видела.

— Я видела, только ты сказала, что папы нет.

— Ну... Анатолий Васильевич сказал, что на дне рождения будет инкогнито, чтоб не смущать гостей и все такое... Ты ж знаешь, великому человеку нет прохода от всяких олухов, ну я и предупредила, чтоб никто ни-ни...

— Меня ты не предупредила, — вздохнула я.

— У гениев свои слабости, — сообщила Людка, непонятно кого имея в виду. — Мы должны с этим считаться. А кто у вас там пропал?

— Мужик в шляпе. Варвара утверждает, что он помер.

— Откуда ж она знает, что помер, раз он пропал?

— Так он сначала помер, а уж потом...

— Здорово. Может, вам тогда не стоит его искать? Одно беспокойство... — С последним замечанием я не могла не согласиться, а Людка продолжила: — Я тебе чего звоню, меня сейчас твой парень разбудил, забыла, как его зовут... ну, ты с ним вчера весь вечер обнималась...

— Володя?

— Точно. Телефон твой просил. Дать?

— Конечно.

— А почему он мой телефон знает, а твой нет? Ведь это же твой парень? — Мы ненадолго задумались, но ответа не нашли. — Ладно, — вздохнула Людка, — он перезвонить хотел. Пока.

Я ответила: «Пока», — и повесила трубку.

Посмотрела на телефон, немного потопталась рядом и, ничего не дождавшись, вернулась в кухню, где продолжали страдать Юрик с Варварой. Бабка выглядела утомленной и даже растерянной. Причину их беспокойства я не очень понимала, прежде всего потому, что после крепких ночных возлияний я хоть и смогла подняться с постели, но соображала все равно не очень. Допустим, Шляпа в самом деле умер (хотя с какой стати молодому мужчине умирать?), но допустим, все же умер, и что? Куда он делся из подъезда? Мертвые, как известно, по улицам не бегают, а поверить в то, что кто-то на него позарился и прибрал к рукам, я все-таки не могла. Чепуха получается. Значит, Шляпа живой, очухался малость и убрался восвояси.

Юрик с бабушкой, точно по команде, уставились на меня, а я сообразила, что последнюю фразу произнесла вслух, причем довольно громко.

— Все вам привиделось, — кашлянув, добавила я. Бабка только-только собралась ответить, как опять зазвонил телефон, и я бросилась в прихожую.

— Мне бы это... Василису, — сказал мужской голос, звучал он с такой мукой, что мне сразу захотелось рассола.

- Это я, — отозвалась я тоже не очень весело.
- Здорово. Узнала? Это Володя.
- Привет. Как дела?
- Нормально, — ответил он неуверенно, помолчал немного и спросил: — Ты чего-нибудь помнишь?
- Про тебя или про себя?
- Про меня.
- Нет, — вздохнула я. — Помню, как ты из машины вышел и упал.
- Значит, была машина? — насторожился он.
- Была. Она и сейчас есть. Под окнами стоит.
- Вот здорово, — повеселел Володя. — А я, поверишь ли, ну ничего не помню. Должно быть, здорово башкой тюкнулся. Шишка выперла с кулак величиной... А как я домой попал? — поинтересовался он через некоторое время, закончив восторгаться своим увечьем.
- Не знаю, — честно ответила я. — Я к себе поднялась и отключилась. А утром вспомнила, что ты меня домой привозил, ну и машину увидела. Я ключи нашла, — решила я его порадовать.
- Здорово, — опять сказал он и хихикнул. — Значит, машина заперта, а ключи у тебя. Слушай, может, махнем на речку? Ты как?
- Махнем, — ответила я, все еще туго соображая.
- Вот и ладненько. Я зайду после обеда. Только оклемаюсь немножко.
- Адрес помнишь? — на всякий случай спросила я.
- На Малой Никитской дом пятиэтажный, с аркой? — порадовал меня Володя.

— Точно, — согласилась я. — Тридцать пятая квартира, второй этаж.

Мы тепло простились, и я вновь потопала в кухню. Бабка и Юрасик смотрели на меня не мигая.

— Это он звонил? — первым не выдержал сосед.

— Кто? — гневно спросила я.

— Ну, этот, в шляпе.

— Надоели вы мне, — грохнув по столу подвернувшимся под руку половником, ответила я. — Не знаю я никакой шляпы, и с кем вы здесь по ночам пьете, и кого на лестницу выбрасываете...

— Не он, значит, — вздохнула Варвара. Могу поклясться, на ее глазах выступили слезы. От такого зрелища я на миг остолбенела, а потом поторопилась укрыться в собственной комнате.

Своего соседа добились: мысль о Шляпе прочно угнездилась в моем мозгу. Я прилегла, закрыла глаза и по возможности попыталась вспомнить, как он выглядел. С этим сразу же начались проблемы — вместо лица я видела шляпу, причем не черную, как утверждала Варвара, а ядовито-зеленого цвета. Через пять минут стало ясно: мои усилия ни к чему не приведут, и я решила отвлечься от внешности и сосредоточиться на имени. Взглянув на парня ночью, я почему-то решила, что он Коля. Конечно, я была в таком состоянии, что полагаться на все мною сказанное было бы довольно глупо, и все же... Я попыталась вспомнить всех знакомых по имени Коля. Первым моему мысленному взору явился глав-

врач нашей поликлиники Николай Эрастович, но мужчина он выдающейся комплекции, весом в полтора центнера, так что даже наша бабка выволочь его на лестничную клетку не могла.

Вторым был дядя Коля, брат моей матери, отважный морской офицер, чью фуражку мне в детстве иногда давали выносить во двор, когда дядя Коля навещал нас. Фуражка была предметом черной зависти всех моих друзей-мальчишек, дотрагиваться до нее руками я не давала и, водрузив ее себе на голову, гордо вышагивала по двору. Фуражка съезжала с одного уха на другое, ее приходилось поддерживать руками, но даже это настроения мне не портило.

Дядя Коля звонил мне в прошлый четверг из Сиднея, так что появиться на моей кухне тоже не мог. В общем, его кандидатуру на роль сидельца на нашей кухне я смело вычеркнула и загрустила. Ни один человек с именем Коля больше на ум не приходил.

— Коля, — бормотала я, разглядывая потолок в мелких трещинках. — Коля... — И тут моему мысленному взору явился бультерьер, белорозовый, с большим серым пятном на затылке. Конечно, вот он, Коля... То есть бультерьера звали Киллер, а вот его хозяина — Николай, отчество не помню, ну и черт с ним, с отчеством. Я даже приподнялась от возбуждения, глядя безумными глазами куда-то в угол.

Познакомились мы с Колей два месяца назад. Он позвонил в поликлинику, так как псу надо было сделать плановую прививку, и я отправилась по вызову на улицу Первомайскую,

где в шикарном доме, насчитывающем всего десять квартир, и проживал этот самый Коля вместе со своим бультерьером. Встретили меня чрезвычайно радушно, я имею в виду хозяина, щуплого мужчину неопределенного возраста с реденькими волосами подозрительно зеленоватого оттенка. Николай задал мне десяток вопросов, касающихся здоровья бультерьера, поил меня чаем и предлагал перейти на водку. Когда от водки я отказалась, речь зашла о шампанском, потом о мартини, в конце концов остановились на кофе, и я выпила чашку. Николай этот мне совсем не нравился, и его бультерьер, кстати, тоже, потому что смотрел на меня не по-доброму, а я этого не люблю.

Получив причитающиеся мне деньги (тут тоже вышла история, Николай пытался всучить мне сумму вдвое большую, чем требовалось, но я категорически отказалась от щедрых даров, опять-таки по ранее указанной причине: пес и его хозяин были мне малосимпатичны), я покинула квартиру на Первомайской. А уже на следующий день Николай позвонил мне на работу и заявил, что его пес плохо себя чувствует, и я, как ошпаренная, понеслась спасать собачку. А через полчаса выяснилось, что песик жив-здоров, это хозяин у нас так шутит. Хозяина я попросила больше не шутить, но он не уговорился и встретил меня после работы. Явился он на «Ленд-Крузере», да к тому же без Киллера, и смог произвести впечатление на моих коллег. Те принялись коситься и поджимать губы, а я бубнила: «Да это клиент, собачка у него, бультерьерчик...»

Короче, жизнь он мне попортил и на этом не успокоился, звонил почти каждый день и звал то в ресторан, то в казино. Я, утомившись от долгих бесед на неинтересные для меня темы, совсем было собралась отвадить его от звонков, втолковав грубо, но доходчиво, что он зря время тратит, но Николай Эратович, присутствовавший при очередном нашем телефонном разговоре и ранее меня сообразивший, чем он закончится, вдруг трагически зашептал: «Василиса, ты того... поаккуратней, такие, как этот, — ого-го. Так что подумай».

К тому времени сосед Юрик уже успел приучить меня к разным «того» и «ого-го», и мысль я уловила сразу, после чего сделалась с Николаем чрезвычайно любезной и закончила разговор не так, как собиралась, после чего принялась скрываться от него. С работы уходила партизанскими тропами, а на телефонные звонки отвечала только после того, как могла удостовериться, что это вовсе не Коля.

Пару раз он все-таки смог меня отловить, и мы даже заглянули в кафе напротив, где я съела мороженое, а он выпил водки и стал звать меня на Канары. Я не возражала, предложив перенести поездку на зимний период. На Канарах и зимой лето, а у меня работы поменьше. Коля остался моим ответом доволен, а я Колей, потому что неделю после этого он не показывался.

Углубившись в воспоминания, я воочию увидела Колино лицо, темно-зеленую шляпу, печатку на пальце и массу других мелочей, но все это не позволило ответить на вопрос, что Коля

делал на моей кухне. Появиться он мог здесь лишь со мной, так как адреса я ему не давала, а со мной он появиться не мог, раз домой я вернулась с Володиной, а с Колей неделю даже не встречалась. Все эти размышления здорово меня утомили, а еще и разозлили. Я поднялась с постели, отыскала в записной книжке Колин домашний телефон и направилась в прихожую. Мне ответил автоответчик. Я понятия не имела, что скажу Коле, а беседовать с автоответчиком и вовсе представлялось мне глупым, но беспокойство меня не отпускало, потому я скороговоркой выпалила:

— Николай, это Василиса, давно не виделись, как ваши дела? Позвоните мне, пожалуйста, очень жду. — И отключилась.

Если Коля позвонит, значит, он жив-здоров и ночью на кухне умер кто-то другой, или бабке все это привиделось. «А если не позвонит?» — подумала я и тут же погнала прочь печальные мысли.

Более-менее успокоившись, я отправилась в ванную, после чего устроилась на подоконнике, распахнув окно настежь, так как могла лицезреть, как Юрасик на пару с Варварой рыщут в нашем дворе, тяготея в основном к гаражам и заборам. Юрик даже слазил в домик на детской площадке, вляпался там в следы жизнедеятельности человека и принялся голосить на весь двор, но подскочившая Варвара вмиг его урезонила, и он побрел к мусорным бакам, а соседка метнулась к участковому, который как раз появился во дворе.

О чем они говорят, мне услышать не удалось,

но бабка к концу разговора выглядела неудовлетворенной. В общем, было ясно: Варвара не оставила мысль о сбежавшем трупе и они с Юриком его ищут. Покачав головой, я уткнулась в книгу и читала до тех самых пор, пока мужской голос не позвал:

— Василиса...

Я свесилась вниз и возле подъезда увидела смутно знакомого молодого человека. Он махал руками и улыбался, а я сообразила, что это и есть вчерашний Володя, улыбнулась в ответ и тоже замахала руками, при этом чуть не вывалившись из окна.

— Спускайся, — крикнул он. Я спрыгнула с подоконника, взяла рюкзачок, который собрала заранее, и, прихватив ключи от машины, покинула комнату.

На двери подъезда Юрик приклеивал листок бумаги. «Все, кто видел мужчину в плаще и черной шляпе, просьба сообщить в тридцать пятую квартиру».

— Это не я, — обратив внимание на мое выражение лица, зачастил Юрик. — Бабка волнуется...

Не удостоив его ответом, я прошествовала к «Жигулям».

Володя с задумчивым видом пинал колесо.

— Зеркало свистнули, — философски заметил он при моем приближении, я протянула ему ключи, сияя улыбкой и разглядывая парня. Не то чтобы он мне не нравился, в моей жизни встречались физиономии и похуже, просто я была слегка разочарована. Прежде всего, вчера я считала

его красавцем. И почему-то очень высоким. Ростом он был чуть выше меня, а его рябая физиономия никакого отношения к классическим канонам красоты не имела. Я вздохнула, не особенно сильно печалась, и устроилась на переднем сиденье, рядом с Володей, прижимая к животу рюкзачок и думая, что ехать на речку в пять вечера довольно глупо. Жары давно не наблюдалось, последнюю неделю без конца шел дождь, и столбик термометра выше семнадцати градусов не поднимался. Сегодня солнце светило ярко, но, пока мы доберемся до речки, загорать уже будет поздно, а вода наверняка холодная.

Тут я обратила внимание, что Володя одет в ветровку, а в ветровке на пляже, по моему мнению, делать нечего. Сама-то я на радостях вырядилась в шорты и теперь чувствовала себя не очень уверенно. Между тем мы успели покинуть наш двор и направились в сторону проспекта. Чем больше я приглядывалась к Володе, тем меньше он мне нравился. Ко всему прочему он принялся свистеть, а это меня всегда раздражает.

— Мне надо на работу заехать, — сказала я через несколько минут. Володя кивнул, выдал широкую улыбку, демонстрируя, какой он милый и покладистый парень, свернул возле кинотеатра, между прочим, правильно свернул, и после этого спросил:

— А где ты работаешь?

— В ветеринарке, — ответила я, — это возле старого рынка.

— А кем ты в ветеринарке работаешь? — насторожился он.

— Ветеринаром, — опять-таки ответила я.
— А-а... котов кастрируешь, — развеселился он.

— Не только котов, — обиделась я, он моргнул и смеяться перестал.

— Хорошая работа.

— Не жалуясь...

— А почему ты в ветеринары пошла? Это что, призвание или как?

— Призвание, — подумав, ответила я.

— Хорошая у тебя профессия, — серьезно заявил Володя. — Те, кто животных любит, как правило, люди добрые, с сочувствием.

— Я как раз такая, — так же серьезно кивнула я, и разговор себя исчерпал.

На счастье, мы уже подъехали к родной поликлинике, и я заспешила к служебному входу. В субботу, а сегодня была суббота, поликлиника работала до трех, но дежурный оставался здесь круглосуточно, а для срочных вызовов у нас была машина. Сейчас она стояла в тенечке, а шофер, дядя Миша, дремал на крыльце.

— Здорово, Васена! — гаркнул он при моем приближении.

— Ой! — пискнула я с перепугу, потому что думала проскользнуть незамеченной. Дело в том, что дядя Миша у нас страшный зануда. Во-первых, ужасно любопытный, во-вторых... и во-первых бы хватило за глаза, а было еще и в-третьих, и в-пятых...

— На работу как на праздник, — начал он.

— Да я ключи оставила...

— Где оставила? — обрадовался он. «Ну вот,

началось». Дядя Миша принялся выпытывать, а я самозабвенно врать, так что, когда наконец прорвалась к регистратуре, начисто забыла, по какой такой нужде сюда приехала.

Верка пила чай и таращилась в телевизор, там шел фильм на английском. Верка так вздыхала, что верхняя пуговица ее халата расстегнулась.

— Вот это любовь, — заявила она с тоской.

— Что за фильм? — осведомилась я.

— А черт его знает... но любовь... Глянь, как он на нее смотрит... сейчас бросится.

— Бросится, — немного послушав дядьку по телику, согласилась я. — И сожрет. Он же людоед.

— Да ты что? — не поверила Верка и тоже стала вслушиваться.

— Точно. Вот сейчас он говорит, что вырвет ей сердце и...

— Кошмар... — Верка торопливо выключила телик и покачала головой: — Никому верить нельзя. Ты к нему всей душой, а он людоед. Сердце вырву... как будто бабе другого применения нельзя сыскать... И ладно бы жрать нечего... Ты чего приехала? — без перехода спросила она.

Я стала вспоминать. Тут появился дядя Миша и заговорил прямо от двери:

— Васена, это ты на белых «Жигулях» подъехала?

— Ну... — вздохнула я.

— Значит, познакомились?

— С кем? — тут же влезла Верка.

— С пареньком этим, рябенький такой...

— А вы откуда знаете? — нахмурилась я.

— Как же мне не знать, если он про тебя расспрашивал? Кто, мол, такая, как звать и прочее...

— Когда расспрашивал? — испугалась я.

— Вчера, — радостно заявил дядя Миша. — Только с вызова вернулись, я покурить сел на лавочку, и он тут как тут. Интересовался, есть ли у тебя кто.

Верка напряженно вертела головой. Так как дядя Миша замолчал и я тоже рта не открывала, она, кашлянув, произнесла:

— И чего?

— Ничего, — развел он руками. — Говорю, подкатывал тут один на джипе, но, говорю, такие нам без надобности. Девушка, говорю, она самостоятельная, и всяким там прохвостам...

Я схватила телефон и набрала Людкин номер. Ждать пришлось долго, оказывается, Людка отмокала в ванной.

— Чего еще? — хрипло спросила она.

— Слушай, откуда этот Володя взялся?

— Какой? — не поняла Людка.

— Тот, с которым я вчера от тебя ушла.

— Ну?

— Откуда он взялся?

— В каком смысле? — пробормотала подруга.

— Где ты с ним познакомилась? — рявкнула я, теряя терпение.

— Да не знакомилась я с ним.

— Как же он тогда пришел?

— Ко мне? — удивилась Людка, и я удивилась вместе с ней, когда услышала: — С тобой, конечно.

— Он не со мной... — поспешила заверить я.